

В. В. Колода

Рецензия: *Флёров В. С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М.: Мосты культуры /Гешарим, 2011. — 264 с.

дной из характерных черт современного хазароведения и связанного с ним изучения салтовской (салтово-маяцкой) археологической культуры, является очередной этап обобщения значительного фактического материала, накопленного в результате многолетних полевых исследований. В этом плане монография одного из ведущих российских археологов-салтоведов — Валерия Сергеевича Флёрова, посвященная анализу некоторых стереотипов в освещении истории Хазарского каганата [1], представляет значительный интерес для всех специалистов по истории и археологии раннего средневековья Юго-Восточной Европы.

В научной среде уважаемый автор уже давно завоевал весомый авторитет своими полевыми и теоретическими исследованиями. Наиболее важные направления его изысканий воплотились в монографические работы по постпогребальным обрядам [2; 3; 4] и жилищам раннего средневековья [5]. Поэтому его работа, посвященная социально-экономическому аспекту развития Хазарии и, соответственно, носителей салтовской культуры не останется без внимания коллег. Эта книга В. С. Флёрова была ожидаема, она предвлялась рядом полемических статей в различных сборниках, в которых сначала затрагивалась проблема правомерности выделения такой категории поселений как «город» на территории Хазарии [6; 7], а затем — и более широкий круг вопросов: феодализм, кочевание, экономика, государственность [8; 9]. Это чувствовалось и в личных беседах с автором. В конечном итоге данная монография не могла не состояться. Ее важность и актуальность в свете дальнейших хазароведческих исследований трудно переоценить.¹

Во-первых, это первое монографическое исследование по проблемам «урбанистики» Хазарии в контексте общих проблем урбанистики средневековья. Необходимость новых подходов к таксономии поселений и уточнение стратификации их структур в сложном социально-экономическом организме Хазарии назрело давно. Это чувствовалось еще в работах С. А. Плетневой, которая, наметив главную, по ее мнению, линию социально-экономического и общественного развития в каганате: «от кочева-

¹ Несмотря на то, что рецензируемая монография издана в России, ее анализ представляет значительный интерес именно в Украине, где на данный момент работает подавляющее большинство активно действующих исследователей древностей салтовской культуры.

ния к оседанию» [10], не единожды специально возвращалась к проблеме выявления городов на его территории [11; 12; 13].¹

Во-вторых, расширение археологических исследований на салтовских поселениях в последние четверть века, особенно в Украине, значительно увеличили массив данных, создав новые возможности для решения многих, в том числе и социально-экономических, вопросов Хазарского каганата. В связи с этим нуждаются в проверке и корректировке старые (устоявшиеся) положения и стереотипы, а также проверка на точность многих «исторических клише» в освещении Хазарии. Такой работой и представляется нам последняя монография В. С. Флёрова.

В-третьих, проблемы, которые поднимаются в ней, крайне важны для современного понимания хазарского государства, уровня его развития и роли, которую он играл (мог играть) в истории народов Восточной Европы и Циркумпонтийского региона.

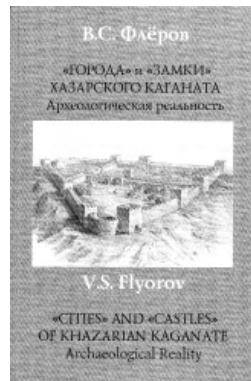
В-четвертых, в анализируемой работе предлагаются критерии, подходы и методы решения большинства основных социально-экономических и ряда частных вопросов Хазарии, что требует их анализа и оценки с точки зрения перспектив дальнейшего использования.

Отметим, что концепция автора: главные критерии, перечень рассматриваемых памятников и основной вывод по главному вопросу: были ли «города» в Хазарии, — сформулированы автором еще в первой работе по данной проблематике [6]. Вполне понятны и причины расширения круга вопросов, в контексте которых рассматривается проблема «городов» и «замков»: феодализм, кочевание, экономика, государственность, что, на наш взгляд, является методически оправданным. Монография в полной степени отражает ряд позитивных моментов, характерных для исследований этого автора: глубокое знание историографии,² желание достичь однозначности в расчетах и осторожность в трактовках.

Выражаем свое согласие с автором в том, что известные на сегодняшний день письменные источники практически исчерпали свой потенциал относительно возможностей интерпретации социально-экономических отношений на территории Хазарии [1, с. 139]. Замечательным представляется анализ памятников Крыма и Тамани, в котором убедительно, с привлечением мнений предшественников и полученных ими материалов доказывается практическое отсутствие здесь «хазарского периода» в развитии городов [1, с. 140–164]. Верным представляется и вывод о «вынужденном военном нейтралитете» Хазарии и Византии в Крыму [1, с. 170]. Не вызывают возражения и выводы относительно экономической самодостаточности каганата и его независимости от внешних поступлений в результате дани или внешней торговли [1, с. 165–166]. Весьма интересны и поучительны те разделы книги, в которых на при-

¹ Следует отметить, что, по нашему мнению, восточноевропейская средневековая урбанистика, как отдельное направление в постсоветских исследованиях лишь начинает разрабатываться, а ее хазароведческое направление до недавнего времени практически отсутствовало. Нам удалось принять участие в работе всего одной конференции по проблемам восточноевропейского раннесредневекового города, где «салтовской» тематике были посвящены лишь 2 доклада [14; 15]. В некоторой степени эти вопросы затрагивались и в научно-практической конференции по проблемам изучения и интерпретации городища Самосделка (отдельные доклады были опубликованы предварительно [16]).

² Рассматривая отдельные памятники, В. С. Флёров анализирует основные этапы их исследования и работы по ним с точки зрения рассматриваемого вопроса (фортификация, застройка территории, система кладки и т. п.), отмечая объективную трудность в поступлении литературы из-за границы, в том числе и с Украины.

мере Итиля рассматриваются данные о размерах памятника и численности его населения в связи с письменной традицией восточных авторов [1, с. 89–96]. Блестящим по емкости представляется и тезис о связи степени развития государственности и урбанизации [1, с. 223].

Весьма важными, особенно в свете дальнейшего изучения, представляются основные выводы автора: «...вся история Хазарского каганата — непрерывный, но так и незавершенный процесс формирования культуры, экономики и государства» [1, с. 82]; «Хазарский каганат очень быстро миновал «стадию кочевий»... но к «городам» так и не пришел» [1, с. 225]. И если это можно принять как точку зрения конкретного автора на данном этапе изучения древностей Хазарии, то такой методический посыл как «Ни историки, ни археологи не в состоянии дать четкую и бесспорную картину социальных отношений в таких сообществах, каким был Хазарский каганат. От громадной мозаики ее внутренней жизни до нас дошли лишь отдельные разрозненные кусочки. Неопределенность в характеристике социально-экономических отношений в Хазарском каганате имеет полное право на существование. ...отсутствие источников непреодолимо» — вызывает определенную настороженность [1, с. 211; 8, с. 130]. Что это, если не агностицизм? «Четкость», а тем более «бесспорность» для любой науки явления скорее желаемые, чем действительные. Для гуманитарных наук (а я расцениваю археологию как часть общей исторической науки) — это, в целом, не характерно. Более того, Хазарский каганат с его незавершенностью многих процессов (в чем мы согласны с В. Ф.) — один из уникальных историко-культурных феноменов Юго-Восточной Европы. На его примере (с использованием максимально широкого спектра современного научного инструментария) можно и необходимо изучать именно ранние этапы многих социально-экономических и этнокультурных процессов, вследствие которых и смогли состояться развитые государства средневековья.

В работе неоднократно подчеркивается, что основой исследования проблем города в Хазарии могут быть лишь археологические источники, более того: «Доказательства надо искать не в теории, не в наших «соображениях», а в полевой практике» [1, с. 25]. Оставляя в стороне его высказывания в мой адрес относительно излишнего «теоретизирования», хочется высказаться в защиту теории, которая, конечно же, в «чистом» виде мертва без практики. Но ведь и практика без теории — это не более чем ремесло.

Рецензируемая монография многогранна по затрагиваемым вопросам и проблемам. Считаю необходимым остановиться на основных, на наш взгляд, положениях работы по «городам» Хазарии, т. к. остальные вопросы изложены в ней весьма конспективно и в разрезе основной указанной выше проблемы.

Любой анализ начинается с выделения критериев. Соглашаясь с В. С. Флёровым в том, что «Археология в рассмотрении поселений дает большие преимущества в сравнении с письменными традициями» [1, с. 26], считаем, что нельзя ее абсолютизировать, как это делает автор, напоминая неоднократно по ходу изложения исключительно на археологическом источниковедении. Исследование такого сложного социально-экономического феномена как «город» невозможно изучать лишь в парадигме археологических знаний.¹ Да, единого общепринятого понятия «средневековый город» до настоящего момента в науке не существует, о чем неоднократно писалось [17, с. 7–14; 15, с. 46–50], на что обращает внимание и автор; более того — в некоторых работах вообще «довольствуются житейскими представлениями о городе» [17, с. 9; 18].

Для поиска городов в Хазарии исследователем предлагаются 2 основных критерия: архитектурно-планировочный облик и структура [1, с. 27]. Относительно первого из

¹ Напрашивается сравнение: можно ли изучать человека, как члена общества, лишь методами биологии, тем более, что предмет, с которым работает археолог напоминает не объект изучения исследователя-врача, а, скорее, патологоанатома.

них сообщается, что «При обращении к памятникам любой древней культуры его исключить невозможно. Он материально (до визуальности), археологически отличает город от села/деревни. В нем отражается социальная структура городского населения, его состав и организация». Относительно второго критерия сообщается, что «...признак не однозначен. Нет ясности, что включать в состав «города», только ли городища или вместе с ними и прилегающие открытые поселения». Можно ли предложенные критерии считать инструментом по выделению городов? Если — «да», то скорее интуитивным, чем четко очерченным и конкретно указанным.

По ходу изложения некоторые критерии уточняются и добавляются новые: размеры памятника и объем строительного материала [1, с. 125–126]; внутренняя структура [1, с. 135], монументальное строительство [1, с. 164]; городской образ жизни без сельского хозяйства [1, с. 194–195]. В этом уже больше конкретики. Но рассмотрим: насколько они безусловны. Размеры открытых поселений, в том числе и салтово-маяцких (фиксируемые, главным образом, по подъемному материалу) достигают значительных размеров (в несколько десятков гектаров), что нередко не уступает площади городов средневековья. Практически невозможно посчитать объем строительного материала и трудозатраты для возведения глиняных (глинобитные или из сырцового кирпича), а также деревянно-грунтовых стен. Это же можно сказать и о монументальном строительстве. В чем должна выражаться «внутренняя структура», с учетом отказа от такого критерия как «улица» [1, с. 127–128] — профессиональное, этническое или иное районирование площади застройки, внутренняя социальная топография? При использовании сырой глины и дерева возможны ли монументальные постройки, сравнимые с византийскими, мусульманскими или западноевропейскими? Относительно сельского хозяйства в городах: в европейском средневековье оно присутствует практически всегда.¹ Таким образом, напрашивается вывод: возможно ли вообще решать вопрос о «городах» в рамках исключительно археологического источниковедения без теоретических наработок иных отраслей исторической науки? Пока это представляется крайне сложным. Да и сам автор монографии пишет: «Четко различимой дифференциации города и села в каганате археология не фиксирует» [1, с. 198]. Значит ли это, что вопрос закрыт?

Обращает на себя внимание и тот факт, что для сравнений автор привлекает материалы лишь Византии, Дунайской Болгарии и мусульманского Ближнего Востока. Достаточно ли этого, если учесть, что о византийском влиянии на Болгарское царство писалось неоднократно, а средневековые ближневосточные города, равно как западноевропейские и византийские являются наследниками античного полиса, и все изменения в них на протяжении VII—XIII вв. были локальными или временными [17, с. 16, 298]. Исходя из исторического пути большинства степного населения каганата на территорию Юго-Восточной Европы, перспективным, по нашему мнению, будет привлечение данных о городах Средней Азии. Для лесостепного региона Хазарии интерес могут представлять и отдельные археологические критерии, использованные для выделения городов Руси [20, с. 46], ведь близость природно-климатических условий и хозяйственных моделей вполне могла отразиться и на общих тенденциях социально-экономического развития.

Не добавляет ясности в решении вопроса и попытка привлечь письменные источники по Византии и Ближнему Востоку. Количество византийских источников и уровень развития этого государства — это, скорее, исключение, чем правило для стран раннего средневековья, и в силу даже этого не может быть эталоном. Ближневосточные мусульманские источники также весьма неоднозначны в терминологии, что

¹ Например: на 1665 г. в Харькове (полковом и торговом городе) проживало 129 мещан, 992 хлебороба и 133 детей боярских и служилых людей мужского пола [19, с. 211]. И это не исключение. А что уж говорить о более раннем периоде.

«...кроме прямо названных *мадина*», городами, можно предположительно назвать те населенные пункты, которые упоминаются в договорах» [17, с. 48–50]. А это уже исторический источник.

Город, по нашему мнению, это, прежде всего, — набор функций, важнейшей из которых является социально-экономическая, а именно: концентрация и перераспределение прибавочного продукта [17, с. 10; 21]. В. Ф. Флёрв считает,¹ что это не относится к доклассовым обществам. А собственно говоря — почему? Ведь фиксируют письменные источники отчуждение прибавочного продукта: сбор дани с подвластного населения, введение местной администрации (тудунов) [22, с. 144], основной задачей которой во все времена был сбор налогов с местного населения. Надо также учитывать и то, что процесс классовобразования в любом обществе растягивается на столетие и больше. Кроме того: перераспределение может носить не только насильственный, но и добровольный характер. Одним из археологических показателей возможностей получения прибавочного продукта нам представляется количество и площадь поселений, которые выявлены около некоторых городищ в лесостепной зоне СМК [14, с. 36]. Это вполне согласуется с закономерностями развития городов раннеклассовых обществ, в которых коррелируются размеры поселения и степень концентрации прибавочного продукта [17, с. 14].

Возникает вопрос: на основании чего в нашем случае можно говорить о концентрации и перераспределении? Нам представляется, что не все городища каганата были одинаково значимы для Хазарии. Об этом свидетельствует количество «селищного» населения вблизи них (общая площадь открытых поселений). Автор монографии считает, что «Концентрация поселений около городищ... типична для... лесостепи» [1, 73]. Это далеко не так [14, с. 40–41, таблица]. Можно ли сравнить социально-экономическое значение городищ, прилегающая площадь селищ у которых составляет 1–3 га и городищ с прилегающей общей площадью селищ в десятки раз большей? В контактной славяно-хазарской зоне таковых выявлено лишь 10 из 37 [14, с. 37]. «Города» ли это — мы не утверждаем, но настаиваем, что, использование нейтрального и внешне формального термина «городище», на чем настаивает В. Флёрв [1, с. 197–198], не приближает нас к пониманию уровня и тенденций развития социально-экономической структуры каганата. Это очевидно для многих авторов, которые предлагают для обозначения таких поселений иные термины, о чем на отдельных страницах сообщает автор монографии. Появление новых терминов — закономерный процесс для науки, свидетельствующий о том, что использование «старых» терминов уже вошло в противоречие с уровнем (если угодно — глубиной) исследования темы. И это не будет вносить путаницу и порождать новые проблемы, как об этом думает автор [1, с. 82], а будет способствовать изучению вопроса.

Да, мы не находим термина «город» в хазарских письменных источниках. А много ли их, особенно в сравнении с мусульманским Востоком и Византией? И значит ли это, что его вообще не существовало для рассматриваемой территории? Как правило, термин в виде обобщающего понятия всегда появляется позже явления, фиксируя его в общественном понимании. По крайней мере, арабские источники знали и прямо указывали на существование городов у хазар (ибн Хордадбега IX в.) [23, с. 29].

Таким образом, проблема «города» в Хазарии весьма далека от своего разрешения. Насущной необходимостью является введение новых терминов для дифференциации поселений с защитными стенами. Мы не настаиваем на использовании термина «протогород» [14, с. 36], тем более, что кроме него в научной литературе

¹ Со ссылкой на переизданную в 2001 г. и недоступную для нас монографию О. Г. Большакова [17].

заявлены и иные: «полугородские поселения», «эмбрион города», «раннегородская структура», «предгород», «ранняя форма города» и т. п. В этом случае дальнейшее развитие археологии выявит наиболее общепринятый термин.¹ В этом плане предлагаемые В. Флёровым термины «лагерь» и «аул» [1, с. 178–190] своей сутью еще менее, чем упомянутые выше, соответствуют нормам русского языка (см.: современный «Большой энциклопедический словарь», словари В. Даля, С. Ожегова и др.), Хотя и не исключено, что термин «лагерь» имеет право на существование в отдельных случаях.

Подводя итог краткому анализу последней монографии В. С. Флёрова, следует высказать благодарность автору за поднятие многих аспектов хазароведения на новый уровень обобщения, за программный пересмотр многих стереотипов и клише в освещении археологических материалов салтовской культуры. Будущее изучение Хазарского каганата теперь уже невозможно представить без этой монографии. Она займет достойное место на полках специалистов по салтовской археологии и истории Хазарии. Многие направления исследований и выводы данной работы гораздо шире изложенного в ней материала. Они нуждаются в развитии в рамках отдельных специальных исследований. Замечания, возражения и предложения, высказанные в данной рецензии не исчерпывают всех вопросов, затронутых автором монографии. Их следует рассматривать как продолжение научной полемики, в которой должна со временем родиться истина. По крайней мере, нам всем хотелось бы на это надеяться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флёров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. — М., 2011.
2. Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). — Волгоград, 1993.
3. Флёров В. С. Аланы Центрального Предкавказья V—VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. — Труды Клин-Ярской экспедиции. I. — М., 2000.
4. Флёров В. С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. — Труды Клин-Ярской экспедиции. III. — М., 2007.
5. Флёров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М., 1996.
6. Флёров В. С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. — М., 2005.
7. Флёров В. С. «Города» Хазарии. Что это такое? Проблемы на прабългарската история и култура. Вип. 4–1. — София, 2007.
8. Флёров В. С. «Города», «замки», «феодализм» в Хазарском каганате. Проблемы исследований // Хазары: миф и история. — М.; Иерусалим, 2010.
9. Флёров В. С. Три проблемы в истории Хазарского каганата // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячений проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнарод. наук. конф. «П'ятнадцяті слобожанські читання». — Х., 2011.
10. Пленёва С. А. От кочевий к городам. — М., 1967.

¹ Как не вспомнить периодически возникающие на конференциях и в публикациях критические замечания и полемику по поводу таких общеупотребимых в археологии терминов как «юртообразное жилище» или «полуземлянка».

11. Плетнёва С. А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М., 1987.
12. Плетнёва С. А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. — Т. 1. — Х., 2002.
13. Плетнёва С. А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. — Воронеж, 2006.
14. Колода В. В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура — Курск, 2009.
15. Свистун Г. Е. К вопросу о городах в лесостепной зоне Хазарского каганата // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. — Курск, 2009.
16. Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Сборник научных статей. — Астрахань, 2011.
17. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VI—XIII в. — М., 1984.
18. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973.
19. Багалій Д. І. Історія Слобідської України. — Х., 1993.
20. Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. — М., 1985.
21. Большаков О. Г., Якобсон В. А. Об определении понятия «город» // история и культура народов Востока. — Л., 1983.
22. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
23. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. — Т. III. Восточные источники. — М., 2009.

